

19 нояб. 1998г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

7. Civil code of the Republic of Lithuania [Electronic resource]: 18th of July, 2000 // Lietuvos Respublikos Seimas. – Mode of access: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_1?p_id=245495. – Date of access: 09.12.2015.
8. Ley de derecho internacional privado de la República Dominicana [Electronic resource]: 15 de octubre de 2014 // Observatorio Judicial Dominicano. – Mode of access: <http://ojd.org.do/Normativas/CIVIL%20Y%20COMERCIAL/Leyes/Ley%20544-14%20de%20Derecho%20Internacional%20Privado%20de%20R.D..pdf>. – Date of access: 09.12.2015.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ТРАНСГРАНИЧНОМ БАНКРОТСТВЕ

Скобей А.Н., аспирант кафедры международного частного и европейского права БГУ

Практическое руководство ЮНСИТРАЛ трактует протокол о сотрудничестве в трансграничном банкротстве как «устное или письменное соглашение, заключенное с целью способствовать координации в процессе производства по делам о трансграничной несостоятельности и сотрудничеству между судами, между судами и управляющими в делах о несостоятельности и между управляющими в делах о несостоятельности, иногда с участием также других заинтересованных сторон» [1].

Чаще всего протоколы о сотрудничестве в делах о трансграничном банкротстве утверждаются судами государств. Преимуществом рассматриваемой формы правового регулирования трансграничного банкротства перед регулированием, выражающимся в принятии международных договоров, является гибкость, проявляющаяся в возможности учесть особенности каждого дела о трансграничном банкротстве.

Как показывает международная практика, протоколы о сотрудничестве в трансграничном банкротстве не теряют актуальность даже несмотря на возрастающую унификацию правового регулирования трансграничного банкротства, которая выражается в принятии национального законодательства, основанного на Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Это объясняется тем, что унификация законодательства на основании Типового закона

ЮНСИТРАЛ не снимает все коллизии, существующие в национальных законодательствах государств по вопросам банкротства. Так, по-прежнему различные подходы существуют по поводу первостепенных целей конкурсного производства, которые могут заключаться как в ликвидации, так и в реорганизации должника с целью финансового оздоровления (санации).

Первым примером трансграничного банкротства, где нашлось применение протоколу о сотрудничестве, является дело о банкротстве “Maxwell Communication Corporation (MCC)” [2]. В данном деле в США и Великобритании были открыты два параллельных конкурсных производства. С целью наиболее эффективной реализации имущества должника, а также минимизации затрат *судами* упомянутых государств был составлен протокол о сотрудничестве, согласно которому ведение дел должника поручалось английскому управляющему, который должен был действовать под контролем ревизора, назначенного судом США. В процессе согласования протокола о сотрудничестве важную роль играет именно позиция судов как субъектов трансграничного конкурсного процесса, поскольку именно суды не только отличаются достаточной беспристрастностью, в отличие от должника или кредиторов, но и обладают достаточными юридическими полномочиями, в отличие от конкурсных управляющих.

В большинстве случаев, когда сотрудничество основывается на протоколе как инструменте саморегулирования, речь идёт о государствах одной правовой системы, чаще всего англосаксонской, основанной в значительной степени на прецедентном праве и уже на этом основании более приспособленной для применения подобных методов регулирования. Но протокол о сотрудничестве находит применение и в трансграничных банкротствах с параллельными конкурсными производствами, открытыми в различных правовых системах. Так в деле “In re Joseph Nakash” был применен протокол о сотрудничестве в трансграничном банкротстве с производствами, открытыми одновременно в США, где преобладает общее право, и в Израиле, чья правовая система носит смешанный характер [3]. Данный протокол решил проблему, связанную с конфликтом юрисдикций между судами США и Израиля. И суд США, и суд Израиля первоначально претендовали на экстерриториальный статус своих решений. Протокол закрепил приоритет решений суда Израиля на территории Израиля и такой же приоритет для суда США на территории США. По отношению же к третьим странам юрисдикция ни одного из судов не отвергалась, а возникающие коллизии должны были разрешаться на основе консультаций, для чего каждым судом были назначены свои официальные представители. Сотрудничество сторон в рассматриваемом деле было основано на конкордате, разработанном Международной ассоциацией юристов (International Bar Association’s).

Несмотря на то, что как было отмечено выше, наиболее эффективными являются протоколы о сотрудничестве, утвержденные судебной властью, протоколы о сотрудничестве могут заключаться и с участием иных участников конкурсного производства, таких как конкурсные управляющие, кредиторы (комитет кредиторов). Такие протоколы могут как утверждаться судом, так и не утверждаться [3]. В последнем случае протоколы создают права и обязанности только для сторон, их утвердивших и, как правило, содержат обязательства по информационно-консультационному взаимодействию. Дело “Madoff” можно привести как пример дела, в котором протокол о сотрудничестве был заключен конкурсными управляющими США и Великобритании с последующим утверждением судом США как судом государства, где открыто основное производство. Данный протокол закрепил обоюдное признание полномочий конкурсных управляющих с учётом признания конкурсного производства, открытого в США, как основного, а открытого в Соединенном Королевстве как вторичного.

Вовлечение Республики Беларусь в интеграционные процессы на постсоветском пространстве неизбежно приведёт к возникновению ситуаций трансграничного банкротства в правоприменительной практике. В подтверждение данного тезиса можно привести факт наличия случаев трансграничного банкротства и соответствующего международно-правового, в том числе наднационального, регулирования в таких интеграционных образованиях как ЕС и НАФТА. Правовое регулирование трансграничного банкротства начинает зарождаться и в ЕАЭС применительно к кредитным организациям [4]. В связи с этим следует развивать правовое регулирование порядка применения протокола о сотрудничестве в трансграничном банкротстве как инструмента, доказавшего свою эффективность в мировой правоприменительной практике. В первую очередь необходимо закрепить в международном договоре между государствами-участниками ЕАЭС возможность данной формы сотрудничества между судами, а также конкурсными управляющими. Такие протоколы о сотрудничестве могли бы регламентировать порядок взаимодействия судов и конкурсных управляющих, правовой режим имущества должника, порядок удовлетворения требований кредиторов, порядок исполнения мировых соглашений в трансграничном банкротстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Практическое руководство ЮНСИТРАЛ по вопросам сотрудничества в делах о трансграничной несостоятельности. / ЮНСИТРАЛ [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк, 2010. – Режим доступа:

https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/insolven/Practice_Guide_Ebook_russian.pdf – Дата доступа: 13.08.2015.

2. Evan, D. How the Maxwell Sausage was made // UCONN (School of law) [Electronic resource]. – Provo, 2013. – Mode of access: <http://www.evanflaschen.net/Maxwell%20Sausage.pdf>. – Date of access: 12.01.2016.

3. Kamalnath, A. Cross-border insolvency protocols: a success story? // International Journal of Legal Studies and Research [Electronic resource]. – Mountain View, 2013. – Mode of access: http://www.ijlsr.in/ijlsr_2013_vol_2_no_2 – Date of access: 12.01.2016.

4. Каменков, В.С. Договор о ЕАЭС и законодательство о банкротстве кредитных организаций // В.С. Каменков / Банковский вестник. – Мн., 2015. - №3. – С. 7-10.

СВОБОДНЫЕ (ОТКРЫТЫЕ) ЛИЦЕНЗИИ НА ОБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА

Толканица Н.Д., магистрант кафедры международного частного и европейского права БГУ

Свободная (открытая) лицензия – относительно новый правовой институт, который при этом почти не закреплён в национальном законодательстве государств. Исключением на настоящий момент может являться Российская Федерация, где этот правовой институт относительно недавно был введён в Гражданский кодекс. Вместе с тем, этот институт уже давно признан судебной практикой и получает все большее и большее распространение в мире.

На практике, появление этого правового института тесно связано с созданием «свободного» программного обеспечения и программного обеспечения с открытым исходным кодом. Это, в принципе, естественно, в силу того, что зарождение свободных (открытых) лицензий было связано в первую очередь с развитием ОС Linux в 80-х годах XX столетия и выдвижением Фондом свободного программного обеспечения, созданного Ричардом Столлманом, идеи «копилефт». В отношении же иных объектов авторского права эти лицензии стали применяться относительно недавно, в частности, после основания Лоуренсом Лессигом (профессор права Стэнфордского университета) в Америке в 2001 г. Creative Commons – организации, занимающейся их популяризацией [1, с. 55 – 56].

Какие же основные признаки таких свободных (открытых) лицензий? В частности, Л.Розен, опираясь на определение распространяемого под свободной (открытой) лицензией программного обеспечения, также именуемого open source software, выделяет следующие критерии: 1) пользователи вправе использовать произведение для любых целей; 2) пользователи вправе изготавливать и распространять копии произведения без уплаты каких-то роялти правообладателю; 3) пользователи вправе создавать производные произведения и распространять их без уплаты каких-то роялти правообла-